

КАК ЗЛО УКОРОТИТЬ

- ВРЕМЕНА,
- ПРАВЫ!

«Быт узников не блещет роскошью, — сообщала на днях «Комсомольская правда», — спят на декорациях, воду им доставляют веревкой на третий этаж, а еду просовывают в щель над дверью, поэтому толщина бутербродов не превышает 1 сантиметра...». Газета «Куранты» сфотографировала кормежку и водоснабжение замурованных; заметка названа «Искусство в застенке».

О чем, о ком это? Об одном любительском театре в Северном округе Москвы. Со смирением паче гордости театр называет себя «без вывески». А драма, заинтересовавшая прессу и московское телевидение, — боюсь, что интерес длился только к ее кульминации в «тюремном» интерьере — драма проста, банальна: хозяевами здания стали новые люди и структуры, им театр ни к чему, они выпихивают его на улицу; а вот актеры-студийцы бездомной гибели не хотят, упираются, декорации свои и костюмы выбрасывать на лед не дают. Потому и не вышли, остались внутри двое «часовых», когда хозяева ставили решетку, чтобы круто и навсегда размежеваться с Мельпоменой.

Сенсация три дня держалась, потом электросварщики распечатали узников. И что? Да ничего, все осталось в силе: студия под демокловым мечом,

хозяева несгибаемы. С чего это им «гнуться», если они — Управление юстиции г. Москвы? Юстиции! В переводе с латыни это означает справедливость. А в переводе с вульгарно-рыночного выходит, что у этих начальников юстиции справедливость в кармашке, и никто не может их учить, как действовать, как владеть своим метражом. Даже мэр Лужков Ю. М.? Даже он. Мэр написал, что желателен компромисс, позволяющий сохранить театр. Мэру этот творческий коллектив неведом, но он поверил чародеям и корифеям, заступавшимся за гонимых — Владимиру Васильеву и Екатерине Максимовой, Елене Камбуровой, Константину Райкину...

Ни один мускул не дрогнул на лице г-на Долгова, командующего парадом от имени Управления юстиции. Корифеи и чародеи вправе просить, а г-н Долгов вправе отказать. Даже и мэру: мало ли что ему «желательно»...

Тоска, не правда ли? Навиделись мы всего: и солдатских матерей, приколовших себя к каким-то столбам цепями, и беженцев, грозящих самоубийством, и иных страсотерпцев. Мы научились объяснять это себе и другим со скорбной и бессильной усмешкой, со ссылками на протопона Аввакума, на боярыню Морозову, на оп-

ричину... Ну да, на Чехова и Короленко сослаться труднее; это сразу рождает иной этический счет к себе, когда за «иррациональное» не спрячешься, когда личная твоя культура и воспитанность запрещают одно, повелевают другое, причиняют дискомфорт, вызывают к мужеству. Зачем такие сложности? Рубль нищему в подземном переходе — и, считай, деловой совести на сегодня улажены. Про любое горе мы теперь можем сказать: это еще что, это — «цветочки!» И корочкой покрылась способность наша к сочувствию, особенно — к действительному, только не деле имеющему цену. Наша пресса научилась особому стилю и тону — устало-скептическому, нет, вообще бесстрастному, этически нейтральному. Этот стиль позволяет обращаться лишь к тому «блоку» в нашем сознании, который ведаёт информацией, вбирает ее в себя сквозь стрессоотталкивающие фильтры, а к сердцу и совести не допускает.

Ну вот узнали: беда еще у одной студии. Да мало ли погибло их в последние несколько лет? Наширокие и недолгие круги шли от них по воде, и даже лягушки окрестные не почтили их номинальным кваканьем. Нужно, однако, признать по-мужски: изрядная часть тех студий, что размножились за годы перестройки,

творческой жизнеспособностью не обладали. Ни лицом своим не обзавелись, ни почерком, почти ничем, кроме вывески и рекламно-амбициозных манифестов, которыми размахивали их лидеры... пока не убедились, что провозглашают они примерно одно и то же. Поэтому и не было энергии сопротивления. Мало кто из студийцев пропитался пафосом тех манифестов, еще меньше, тех, кто испытал сладость осмысленного существования на сцене, тех, кто успел почувствовать, что и зрителю она передается, эта сладость.

Здесь же, в театре-студии «без вывески», жизнестойкость доказана не столько геройством за решеткой, сколько 15 годами творческой жизни под бесменным руководством режиссера-педагога Марии Дроздовой. Здесь играют спектакли, со смущением беря символическую плату за билеты! Сюда зритель-инвалиды вносят на руках вместе с его коляской. Глупо же, если искусство его различит лестницей! А что касается самого искусства, оно и впрямь есть, оно случается здесь, у актеров-любителей, далеких от самоуверения и устанавливающих для себя планку мастерства сегодня выше, чем вчера, а завтра выше, чем сегодня. При этом условии искусство может заглядывать к ним едва ли не

чаще, чем ко многим профессионалам! Как доказать это? Увидеть надо, убедиться самим... БЫЛО БЫ ГДЕ. Я сообщил субъективное свое впечатление, которое крепло от спектакля к спектаклю и поднималось по температурной, так сказать, шкале. А сколько раз за последние годы случилось мне уходить из «настоящих» театров незатронутым, бризглым, холодным.

Так что сейчас мой голос — за дело живое, серьезное и веселое одновременно, способное одухотворять публику, которая, кстати сказать, почти не оставляет «пролысин» в зале. Есть свой зритель у театра, есть, его достаточно. Их хотя разлучить. Не позволить бы, а? Обращаюсь не к тому «блоку» в нашем сознании, который просто информации наматывает, а к тому, что ведаёт активными реакциями, способностью укоротить плохое, подставить слабейшему добру свое плечо.

Отцы-командиры городского и окружного уровня, это прежде всего к вам я зываю! Но и вообще к людям. Если, к примеру, не ком-то — мундир городской прокуратуры, он же все равно — человек в первую очередь. Правильно?

Георгий ПОЛОНСКИЙ,
драматург.